

до IV принадлежали мужу, коробка номер VI — девочке; мальчиковой коробке достался номер VII, а моей, соответственно, — V.

АПАЧЕРИЯ — СТРАНА АПАЧЕЙ¹

С началом летних каникул, до которых оставалось чуть больше месяца, мы собирались выехать на юго-запад. А пока в наш последний месяц в городе мы продолжали разыгрывать обычную жизнь, как будто в наших отношениях не ожидалось никаких кардинальных перемен. Мы купили дешевую подержанную машину, один из этих универсалов «Вольво» 1996 года выпуска, черный, с объемистым багажником. Мы сходили на две свадьбы, и оба раза нам говорили, ах, какое мы прелестное семейство. Такие пригожие детки, и смотрите, какие разные, промурлыкала пропахшая тальком пожилая леди. Мы готовили обеды, смотрели кино и обсуждали планы на поездку. Иногда мы вечерами все вчетвером изучали большую карту страны и выбирали маршруты, какими поедem, при этом благополучно не замечая того факта, что маршруты эти, по всей вероятности, разведут нас в разные стороны.

Да, но в какое место конкретно мы едем? — приставали дети.

Между тем мы пока и сами не знали этого, ну, или еще не договорились ни о чем конкретном. Я хотела ехать в Техас, в этом штате больше всего центров временного содержания детей-иммигрантов. И все заполнены маленькими беженцами, тысячами детей, застрявших в Галвестоне, Браунсвилле, Лос-Фресносе, Эль-Пасо, Никсоне, Канутильо, Конро, Харлингене, Хьюстоне и в Корпус-Кристи. Муж хотел, чтобы наша поездка оканчивалась в Аризоне.

¹ Апачерией (англ. *Apacheria* — Страна апачей) белые первопроходцы называли земли, занимаемые племенами апачей, то есть штаты Аризона, Нью-Мексико, часть Техаса в США и штаты Сонора и Чиуауа в Мексике.

Почему обязательно в Аризоне? — все втроем допытывались мы.

И где конкретно в Аризоне? — это уже желала знать я.

Кончилось тем, что однажды вечером муж расстелил на нашей постели большую карту и призвал в спальню меня и детей. Он ввинтил кончик указательного пальца в кружок, обозначающий Нью-Йорк, решительно повел им вниз и влево к Аризоне и дважды ткнул в какое-то место, малюсенькую точку в юго-восточном углу штата.

Сюда, сказал он.

А что здесь? — спросил мальчик.

А здесь горы Чирикауа, ответил ему муж.

И что? — не отставал мальчик.

Здесь сердце Апачерии, Страны апачей, ответил муж.

Значит, мы туда поедem, да? — спросила девочка.

Точно так, подтвердил муж.

А почему туда? — спросил его мальчик.

А потому что там жили последние из чирикауа-апачей.

И что с того? — вызывающе спросил мальчик.

Ничего с того, сказал же, мы едем в Апачерию, где проживали последние оставшиеся на всем континенте свободные люди, прежде чем им пришлось сдаться на милость белоглазым.

Что значит белоглазые? — спросила девочка, по всей видимости вообразив что-то жуткое.

Просто чирикауа называли так белых европейцев и белых американцев — белоглазыми.

Но почему? — желала дознаться девочка, да и мне было любопытно, но мальчик решительно перехватил бразды правления разговором и продолжил гнуть свое.

Но почему вообще апачи, па?

Потому что.

Потому что — что?

Потому что они были последними, кто еще оставался от чего-то, что исчезло.

МЕСТОИМЕННИЯ

Значит, решено. Мы поедем к юго-восточной оконечности Аризоны, где на неопределенное время он останется, точнее, останутся он и мальчик, но где не факт, что останемся мы с девочкой. Мы с ней проедем вместе с ними всю дорогу до места, а в конце лета, вероятно, возвратимся в город. Я закончу свой документальный аудиоматериал о детях-беженцах, а потом мне придется искать работу. Девочка снова будет ходить в школу. Не могла я вот так запросто бросить все и переселиться в Аризону, пока у меня не нашлись бы способ и причина как нитка за иголкой последовать за моим мужем в его новом предприятии, не поступаясь при этом собственными планами и проектами. При этом пока не было ясности, правда ли он захочет, чтобы и после нашей поездки я следовала за ним по жизни.

«Я», «он», «мы», «они», «она»: местоимения беспрестанно сменяли одно другое в путаном синтаксисе нашей речи, пока мы обсуждали условия переезда. Теперь мы обо всем говорили с опаской, даже о самых тривиальных вещах, к тому же смягчали выражения, точно наши языки вдруг заходили на цыпочках, обуянные чуть ли не параноидальным страхом поскользнуться и рухнуть на ставшую вдруг очень зыбкой почву нашего семейного бытия. Энн Карсон¹ в «Сонете умолчания» говорит, что этому ровным счетом ничем не поможешь. Она называет местоимения «частью системы, что тень гораздо наводить не хуже штор венецианских», хотя, возможно, имеет в виду, что это мы — в смысле люди, а не местоимения — и есть та «часть системы, что тень гораздо наводить не хуже штор венецианских». Но опять-таки «мы» — это местоимение, и, значит, с таким же успехом

¹ Энн Карсон (р. 1950) — канадская писательница, поэтесса, эссеист и переводчик-эллинист, преподаватель классических языков и словесности в университетах Канады и США, переводчик Симонида, Сапфо, Эсхила, Софокла, Еврипида, Катулла.

можно предположить, что «мы» у Энн Карсон означает и то и другое.

Но так или иначе вопрос, в какую сторону окончательная расстановка всех наших местоимений в конце концов переменит нашу жизнь, сделался нашим гравитационным центром. Темным безмолвным ядром, вокруг которого вращались наши мысли и вопросы.

А когда доедем до Апачерии, мы что будем делать? — без конца спрашивал мальчик все последующие недели.

Да, так что будет дальше? — уже позже, когда мы заползли в постель, спрашивала я мужа.

Там и посмотрим, что дальше, раз за разом отвечивал он.

Разумеется, в реальности никакой Апачерии сейчас не существовало. Зато она очень даже существовала в сознании мужа и в его книгах по истории XIX столетия и все больше захватывала умы наших детей.

А лошади там будут?

А стрелы там будут?

А у нас там будут постели, игрушки, еда, враги?

Когда уже мы поедем?

Мы отвечали, что на следующий день после десятого дня рождения мальчика.

КОСМОЛОГИИ

Напоследок всего за несколько дней до отъезда в Страну апачей у нас в квартире случилось нашествие муравьев. Больших черных муравьев, формой напоминавших восьмерку и обуреваемых прямо-таки патологической страстью к сладкому. Стоило забыть на кухонной столешнице стакан с чем-нибудь сладким — и нате, на следующее утро мы находили с два десятка муравьиных утопленников, павших жертвами собственного гедонизма. Сначала они освоили

кухонные поверхности, шкафчики, раковину — излюбленные муравьями места. А потом взялись осваивать наши постели, бельевые комоды, откуда плавно переместились уже на наши локти и шеи. Как-то ночью я просто-таки уверилась, что если достаточно долго пролежу тихо-тихо, не шевелясь, то услышу, как муравьиные полчища деловито шуршат лапками внутри стен и вливаются в незримые вены нашей квартиры. Мы было попробовали залепить все щелочки в плинтусах между стенами и полом клейкой лентой, но через несколько часов она отклеилась. Мальчик выдвинул идею получше — замазать щели детским пластилином «Плей-До», что на какое-то время избавило нас от ползучих оккупантов. Но муравьи вскоре нашли другие лазейки к нам в квартиру.

Однажды утром девочка после душа оставила свои грязные штанишки на полу в ванной, а когда я днем подобрала их, чтобы отправить в бельевую корзину, заметила, что они так и кишат муравьями. В этом мне почудилось что-то вроде глубинного осквернения, дурного знака. Мальчик счел этот казус интереснейшим, а девочка — уморой, да и только. Вечером за обедом дети не преминули доложить своему отцу об этом случае. По мне, так эти зловещие муравьи не предвещают ничего хорошего, порывалась сказать я. Но как объяснишь подобные вещи своим домочадцам, да и вообще кому-нибудь, не выставив себя малахольной? Пришлось поделиться лишь половиной своих мыслей:

Катастрофа.

Муж выслушал детей, покивал и поулыбался, а потом сказал, что в мифологии индейцев хопи¹ муравьи почитаются как священные существа. Муравьи-люди были богами и спасали от ужасных бедствий людей Верхнего мира,

¹ Хопи относят к группе индейских народов пуэбло, проживавших на территории нынешнего Юго-Запада США; ныне они проживают в резервации хопи на северо-востоке штата Аризона. Хопи — сокращенное самоназвание этого народа, что означает «мирные люди» или «мирные малые».

уводя их в Нижний мир, чтобы те в довольстве, спокойствии и привольности пережидали, пока не исчезнет опасность и можно будет вернуться в Верхний мир.

Мальчик тут же спросил, от какой такой катастрофы нас спасут набежавшие муравьи.

Я подумала, что это хороший вопрос, тем более что мальчик, сам того не желая, вложил в него некоторую толику ехидцы. Муж важно прочистил горло, но ответа на вопрос мальчика не последовало. Тогда вступила девочка:

Катастрофа — это что?

Что-то очень-очень плохое, объяснил мальчик.

Девочка с минуту молчала, уставившись к себе в тарелку, и в глубочайшей задумчивости разравнивала спинкой вилки горку риса. Потом подняла на нас излучающий необычайную серьезность взгляд и выдала забавную агглютинацию¹, по своей детской прихоти слепляя из слов забавные гибриды, как если бы в нее вдруг вселился дух безвестного немецкого герменевта XIX века:

Муравьи, они вступают к нам стройными рядами, поедают мои верхнемироштанники, они забирают нас туда, где нет катастроф, а только добрая добыча и жопоприволье.

В каком-то смысле детские речи открывают нам пожарный выход из огня семейных драм, увлекают в свой странный нижний мир, непривычный нам своей кристальной ясностью, свободный от катастроф среднего класса. По-моему, именно с того дня мы чем дальше, тем больше позволяли голосам наших детей заполнять пространство нашего с мужем молчания. Мы дали им волю алхимизировать наши тревоги и печали в подобие спасительного умоисступления: жопоприволье!

¹ Агглютинация — способ создания нового образа посредством склеивания (соединения) совершенно разных объектов или их свойств, а также период в развитии детской речи, для которого характерны простое склеивание отдельных элементов речи и обозначение одним словом ряда предметов, представлений и т. п.

Семейные разговоры становятся чем-то вроде языковой археологии. Они строят наш общий мир, наслаиваются один поверх другого, как в палимпсесте¹, придают смысл нашему настоящему и будущему. Но вот вопрос: если когда-нибудь в будущем нам захочется углубиться в наш лично-семейный архив и заново проиграть записи из нашей семейной аудио-летописи, воссоздадут ли они связную историю нас? Целостный звуколандшафт? Или мы услышим лишь звуковой мусор, помехи и обрывки звуков?

НЕЗНАКОМЫЕ ПРОХОЖИЕ

Одно стихотворение в сборнике Уолта Уитмена «Листья травы» с первых дней наших отношений служило нам уртекстом, точнее всего отражающим исходный замысел нашего союза, если хотите, своего рода манифестом нас двоих, и даже сейчас оно по-прежнему воплощает дух и образ нашего общего будущего. Начинается оно с таких строк:

*Незнакомый прохожий! Не знаешь, с какой же тоскою смотрю
на тебя.*

*Похоже, ты тот, кого долго искал (образ твой приходил мне во сне).
Вероятно, мы прожили жизнь в параллельных мирах:*

Перед взором встает это, стоит лишь нам

*Пройти друг мимо друга, возмужавшим, и нежным, и непорочным
таким.*

Ты вырос со мною, и вместе мы были детьми,

С тобою я ел, с тобою делил свои сны...

¹ Палимпсест — так в древности называли рукопись, нанесенную на пергамент поверх прежней соскобленной записи; в метафорическом смысле — культурный текст, созданный на руинах ранее существовавшего и вобравший в себя какие-то из его примет.

Стихотворение объясняет, или мы так себе вообразили, почему мы — каждый сам по себе, но, как выяснилось, оба — избрали целью своих жизней записывать голоса незнакомцев. Когда мы записывали их голоса, их смех, их дыхание, нам, несмотря на мимолетность этих соприкосновений, а может быть, как раз в силу этой мимолетности, открывался шанс на близость с ними, уникальную в своем роде: точно мы проживали целую жизнь параллельно и единым мигом с этим незнакомцем. А запись звука, думали мы, в противоположность запечатлению зрительного образа открывала нам доступ к более глубинному, невидимому слою человеческой души, подобно тому как эхолот при батиметрической съемке посылает сигналы сквозь водную толщу и ловит их отражение, чтобы составить точную карту океанских или озерных глубин.

Уитмен заканчивает стихотворение обетом незнакомцу: «Мне стоит стараться, не потерять чтоб тебя». Это обещание постоянства: момент мимолетней близости между мной и тобой, двумя незнакомцами, оставит след, неугасимый отныне и навеки отзвук. И по-моему, во многих смыслах мы сдержали это обещание хотя бы некоторым из встреченных и записанных нами за эти годы незнакомцев: их голоса и истории неизменно возвращаются к нам, тревожа и бередя нам души. Но нам и в голову не приходило, что стихотворение Элиота, а особенно его последняя строка, своего рода предостережение и нам самим. Как ни привержены мы были идее коллекционировать моменты близости с незнакомыми людьми, как ни вслушивались со всем жаром обязательности в их голоса, мы даже помыслить не могли, что между нами двумя вдруг медленно начнет разрастаться молчание. Мы и не подозревали, что однажды нам суждено потерять друг друга посреди толпы.

ОБРАЗЦЫ ЗВУКОВ + МОЛЧАНИЕ

За все годы, что мы отбирали и записывали звуки, у нас образовался внушительный архив звуковых фрагментов с рассказами о жизни тысяч незнакомцев, но почти никаких фрагментов, отражающих жизнь нашей собственной семьи. Теперь же, когда мы оставляли позади весь свой мир, мир, что общими усилиями построили, у нас не осталось почти никаких записей, никакого звукового ландшафта нас четверых и как он с годами менялся: как с утра пораньше играет радио, и последние отголоски наших сновидений сплетаются с новостями о кризисах, открытиях, эпидемиях, непогодах; как рычит кофемолка, смалывая в тонкий порошок твердые зернышки кофе; как пыхает конфорка, вмиг выбрасывая кружок ровных язычков пламени, как булькает деловитая кофеварка; как шумит в душе вода при затяжных утренних помывках мальчика под аккомпанемент нетерпеливых понуканий мужа: «Можно там поживее, мы и так уже опаздываем»; растянутые паузами, почти философические разговоры между нами и нашими двумя детьми по дороге в школу; сторожкие шаги прогуливающего урок мальчика в гулкой пустоте школьных коридоров; металлический визг тормозящих на выездах из туннелей составов подземки и наши собственные каждодневные, чаще всего молчаливые мотания по подземке на полевые записи, как в пределах центра, так и в пригороды; многоголосый гомон запруженных толпами улиц, из которого муж своей микрофонной удочкой вылавливал непривычные, чужеродные звуки, выпадающие из общего строя, пока я со своим диктофоном на изготовку останавливала прохожих, чтобы записать их речь, если согласятся, и общий шумовой фон, в котором сливаются все их голоса, их выговоры и их истории; чирканье спички, когда мой муж закуривал, еле слышный шепот втягиваемого с первой глубокой затяжкой воздуха и протяжный

свистящий выдох сквозь сомкнутые зубы; ни с чем не сравнимый белый шум, всплывающий над детскими площадками, где играют и копошатся тучи детей, — водоворот из возбужденного гвалта вперемешку с пронзительными разноголосыми воплями и истерическим ревом — и изумительно особенные на общем фоне голоса наших детей; зловещая тишина, что в сумерки сгущается над парками; шелест и треск сухих листьев в парке, сваленных в кучи, под которыми самозабвенно роется девочка в надеждах откопать червяков, клад или хоть что-нибудь, каковые надежды обычно не оправдываются, и под листьями если что и обнаруживается, так только окурки, окаменелое собачье дерьмо и миниатюрные пакетики с застежкой зип-лок, дай боже, чтобы пустые; хлопанье наших курток под порывами злого зимнего ветра; усилия наших ног и ответные скрежеты заржавелых педалей, когда мы по весне едем на велосипедах по тропке вдоль реки; тяжелое перханье в груди, когда мы вдыхаем токсичные миазмы свинцово-серых речных вод, и молчаливое недовольство усердных любителей трусцы и чересчур загостившихся на зимних квартирах канадских казарок; пулеметные очереди приказов и попреков, которые выпадают нам в спины как на подбор крепкие, тренированные, перешагнувшие в средний возраст велосипедисты-спортсмены: «С дороги!», «Принять влево!»; и им в ответ наши голоса, смущенные и мямлющие: «Простите, сэр, извините, сэр!», а если совсем припекает, то изрыгающие громкие, прочувствованные проклятия в их накачанные спины — жаль, их вечно то обрывают, то относят порывы ветра; наконец, все звуковые лакуны в моменты уединения, когда каждый складывает из кусочков звуковую мозаику мира, следуя своему экспертному разумению, как это сделать лучше всего. Звуки всех и вся, что когда-то окружало нас, производимые нами шумы и тишина, шлейф нашего былого присутствия.

БУДУЩЕЕ

А потом мальчику исполнилось десять лет. Мы повели его в хороший ресторан, подарили заказанные им подарки (следуя его императиву «никаких игрушек»). От меня он получил поляроид и несколько кассет к нему, как для цветных, так и черно-белых снимков. Его отец подарил ему походный набор заправского путешественника: швейцарский армейский нож, бинокль, карманный фонарик и маленький компас. По его просьбе мы также согласились немного отступить от намеченного маршрута и провести следующий день, первый в нашей поездке, в Балтиморском национальном аквариуме. Мальчик в школе делал доклад о знаменитой обитательнице аквариума — пятисотфунтовой¹ морской черепахе Калипсо, когда-то лишившейся переднего лапа, и с тех пор только что не бредил этой черепахой.

В вечер накануне отъезда мы с мужем собрали каждый себе по чемодану и детям тоже разрешили самостоятельно уложить вещи для поездки: мальчик упаковал свои, а девочка — свои. Но как только они легли спать, я перетряхнула и перепаковала их чемоданчики. Детей угораздило собрать более чем неподходящие для путешествия вещи. Форменный кошмар имени дюшановского² сюр: полный гардероб крохотных одежек для семейки плюшевых мишек, поломанный световой меч, одинокое колесико от роликовых коньков «Роллерблейд», целлофановые пакетики с застежками-стрелками, набитые ненужной пластиковой всячиной. Вместо этих богатств я положила им настоящие, «человеческие» штаны, настоящие юбки, настоящее белье и все прочее, что полагается, — тоже настоящее. Затем мы составили наши

¹ Около 227 кг.

² Марсель Дюшан (1887–1968) — художник, шахматист и теоретик искусства, стоявший у истоков сюрреализма и дадаизма.

четыре чемодана рядом у двери в прихожей, а следом семь коробок и наше с мужем записывающее оборудование.

Покончив со сборами, мы уселись в гостиной и в молчании выкурили одну сигарету на двоих. Я уже нашла, кому сдать нашу квартиру в субаренду, — по крайней мере, следующий месяц ее рассчитывала снимать молодая пара, и теперь наше жилье выглядело больше их, чем нашим. Единственное, на что оказался способен в тот момент мой усталый ум, так это перебирать предшествующие нынешнему переселения с места на место: наш переезд сюда вчетвером четыре года назад; мои и мужа предыдущие бесконечные переселения с квартиры на квартиру; переселения сотен людей и семей, у кого мы брали интервью и чьи голоса записывали на проекте городского звуколандшафта; одиссеи детей-беженцев, чью историю я собиралась задокументировать; и давние, последних чирикаю-апачей, за чьими призраками в погоню вскоре отправится мой муж. Все куда-нибудь уезжают-переезжают, если им так надо, если могут или вынуждены.

И наконец, следующим утром после завтрака мы вымыли последние тарелки и уехали.



[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:



[Mifbooks](#)



[Mifbooks](#)



[Mifbooks](#)